

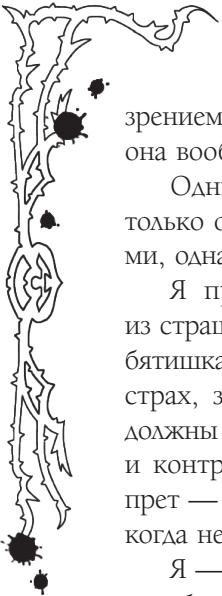
Как я мечтала о том дне, когда моя дьявольская темница сгорит дотла, когда рухнут, обратившись в пепел, ее стены... Вот только не думала, что буду внутри, когда мечта сбудется.

Наблюдаю сквозь крошечное зарешеченное окошко двери, как дым медленно ползет по коридорам. Запах гари просачивается в мою маленькую камеру; справа и слева несутся отчаянные крики. Узники просят их выпустить, не оставлять в огне, молят о спасении.

Но помочь не придет. Во всяком случае, заключенным на выручку никто не спешить не будет.

На моем подвальном этаже с толстыми бетонными стенами находятся только одиночные камеры, и единственный выход отсюда — через большую металлическую дверь в конце коридора. Здесь сырь и холодно, поговорить не с кем: все узники либо невменяемы, либо морально сломлены, от них связного слова не дождешься.

Таково Узилище — тюрьма для заключенных с паранормальными способностями, возведенная теми, кто презирает нашу породу. Здесь не делают различий между ведьмами, колдунами, оборотнями, ясновидцами, демонами, эльфами, фейри и просто людьми с каким-либо необычным даром. Ко всем относятся с ненавистью и пре-

АЙЛА ДЭЙВОН

зрением. Мы не знаем, кто направляет эту группу, откуда она вообще взялась — ее члены таятся в тени.

Одни называют их охотниками, другие — героями, только они ни то, ни другое. Сами они зовут себя людьми, однако человеческого в них меньше, чем в нас.

Я приучила себя к мысли, что эти существа — из страшных сказок, которые родители рассказывают ребятишкам, чтобы те не баловались. Из сказок, вселяющих страх, заставляющих малышей быть покорными. Дети должны слушать взрослых, выполнять домашние задания и контролировать свои способности. Если нарушают запрет — их заберут, посадят под замок, и больше они никогда не увидят ни родителей, ни дневного света.

Я — ведьма из могущественного клана, однако силой не обладаю, из-за чего всю жизнь подвергалась травле и насмешкам от себе подобных, была одинокой и отверженной. Меня с презрением считали едва ли не обычной смертной.

Увы, ни боль, ни положение изгоя не предвещали такого исхода.

Больше шести лет в Узилище... Меня избивали до полусмерти, морили голодом, отчего я едва не лишилась рассудка. Ломали кости. Я сражалась с разными тварями и созданиями — такие «испытания» мне устраивали тюремщики, а заодно развлекались. Мучили и физически, и морально — я и не представляла, что такое возможно. А чего хотели добиться, непонятно...

Дым быстро просачивается сквозь оконце и щели между дверью и косяками. С каждым вдохом мои легкие наполняются смертоносными парами.

Нет, это не конец! Сколько раз я восставала из пепла в адской темнице, выдерживала все пытки и эксперименты... Не умру и теперь. Не здесь и не таким образом!

Проведя в Узилище несколько первых месяцев, после особенно жестоких истязаний я решила: не дам себя сломать. Мой дух — самое надежное оружие. Уничтожить

ЧЕРНЫЙ КЛИНОК

можно все что угодно, но дух — никогда. До сегодняшнего дня им не удалось его сокрушить, моя воля до последнего искала возможности обрести свободу.

Слишком большую часть жизни я провела, играя в прятки. Была робка, боялась сражаться за свое «я». Привыкла считать себя недостойной помощи: думала, в мучениях есть какой-то высший смысл. Не сознавала, что могу за себя постоять, но здесь — хочешь не хочешь — пришлось.

Прищуриваюсь, разглядывая сквозь заполняющую камеру серую пелену толстые стальные прутья решетки и ржавые петли с облезшей краской.

Без боя не сдамся!

Бросаюсь всем весом на тяжелую холодную дверь. Раздается глухой удар, а за ним приходит боль, пронзающая левую руку от плеча до кончиков пальцев, однако металлическое полотно не поддается ни на дюйм. Задвигаю боль в самый дальний уголок мозга и пытаюсь снова. Ничего, бывало и хуже...

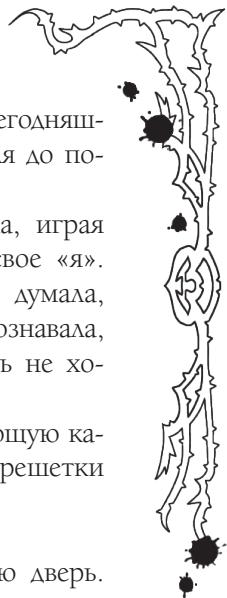
Продолжая биться о металл, присоединяясь к крикам товарищей по несчастью.

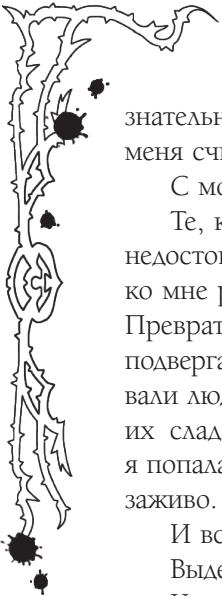
Не буду молить о пощаде, не стану звать на помощь, но пусть меня услышат хотя бы слабые, сломленные узники, оказавшиеся вместе со мной в ловушке.

Легкие начинают пылать огнем, в горле пересыхает, перед глазами слегка плавит. Наверное, из-за дыма. Или я уже надышалась ядовитых паров?

Упираюсь в дверь обеими руками, не желая сдаваться и уступать усталости, которая медленно, но верно охватывает все тело. Давлю и толкаю, вкладывая в движения последние силы, и наконец в отчаянии упираюсь лбом в холодную железную поверхность.

Всю жизнь я только и делала, что уступала и подчинялась другим. Пыталаась угодить каждому, кто проявлял ко мне чуточку доброты. Надеялась: если буду покладистой, получу взамен хоть немного благосклонности. Со-

АЙЛА ДЭЙВОН

знательно принижала себя и свои достоинства — пусть меня считают слабачкой, пусть бьют, причиняют боль...

С моих губ срывается тихая безрадостная усмешка.

Те, кого я любила, меня бросали, отвергали, считали недостойной или недостаточно сильной, чтобы проявить ко мне расположение. И в какой-то момент я сломалась. Превратилась в пустую скорлупу, в девочку, постоянно подвергавшуюся травле. Ад моей юности... Меня предавали люди, которые были мне дороже всего на свете. Все их сладкие слова оказались гнусной ложью. А потом я попала сюда, чтобы молча заахнуть и медленно сгинуть заживо.

И все же я выжила.

Выдержала все испытания.

Как бы плохо мне ни было, я двигалась вперед. Поняла, находясь в дьявольском колодце, что никогда не сдамся.

После очередного удара кулаком у меня вдруг подкашиваются ноги, и я, не успев отлипнуть от двери, падаю коленями на бетонный пол, сдирая кожу со щеки. По лицу стекает теплая струйка, в глазах появляются черные мушки.

Отяжелевшие слабые руки безвольно повисают вдоль туловища, и я никак не могу поднять их снова.

Разглядываю свои шрамы и ссадины — старые и сегодняшние, — покрывающие каждый палец и тыльные стороны ладоней. На запястье висит толстый серебристо-черный браслет, размером напоминающий наручник. Это он и есть — его надели на меня здесь, в Узилише.

Точно не знаю, каково предназначение браслета, но всегда чувствую кожей холод металла. А еще он делает меня слабой и медлительной. Тело от него становится вялым, неспособным на нормальные реакции, и после нагрузок быстро прийти в себя невозможно. Такое впечатление, будто ко мне привесили столь тяжелый груз, что мышцы не в состоянии работать как надо — наручник

ЧЕРНЫЙ КЛИНОК

вытягивает из меня силы. Снимают его, только когда наступает время очередного «испытания».

Увы, до заключения я не представляла, что далеко не так слаба, как мне казалось, я не знала своих способностей, иначе жизнь сложилась бы совершенно по-другому. Меня здесь никогда не заперли бы, не смогли бы лишить свободы.

Трясу головой, собирая по капле остатки сил, неуверенно встаю и поворачиваюсь лицом к двери.

Хриплю всхлипывая от недостатка воздуха, царапаю толстое железо. Дым и угарный газ уже просочились в легкие, и всякий вдох дается тяжело, с болью.

Единственный запах — вонь гари и пепла, за пеленой дыма уже ничего не видно. С каждой секундой смерть все шире распахивает свои объятия. Продолжаю скрести дверь, хоть каждый палец пронзает жуткая боль, и на севром металле остаются кровавые отпечатки. Я все еще цепляюсь за надежду.

Я не отступлю!

Сделаю все, на что способна сейчас, все, что должна была сделать много лет назад.

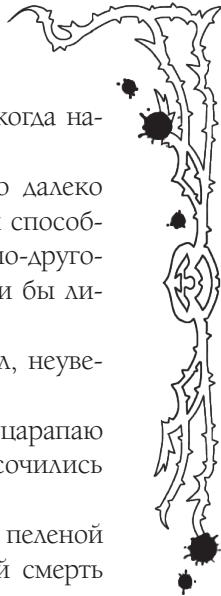
Буду бороться, пока покрытое шрамами тело не испустит последний вздох.

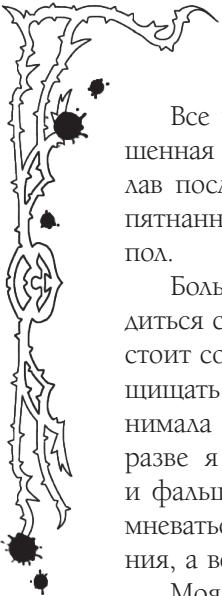
Не стану звать на помощь, молить и хныкать — это ни к чему не приведет. Ко мне не прискакет рыцарь в сребряных доспехах, не придет нежданный спаситель, готовый меня вызволить. Если я и надеялась на помощь героя, надежда давно угасла.

В глазах начинает темнеть, цвета тускнеют, звуки доносятся словно издалека.

Руки снова бессильно падают, и уже нет сил их поднять.

Пытаюсь втянуть немного воздуха в пропитанные дымом легкие, впадаю в забытье и снова прихожу в себя, но продолжаю бороться с судьбой, приказываю себе продолжать действовать... продолжать жить.

АЙЛА ДЭЙВОН

Все мое тело содрогается, и я зеваю, словно выброшенная на берег рыба. Зрение почти отказывает, и я, сделав последнюю тщетную попытку пробиться сквозь запятнанную кровью дверь, вяло заваливаюсь на бетонный пол.

Больше всего жалею, что мне не выпало шанса насладиться свободой, хотя это далеко не единственное, о чем стоит сожалеть. Например, всегда считала: зачем себя защищать, если ты ни на что не годишься? Смиренно принимала холодные взгляды, побои, оскорблении — мол, разве я заслуживаю лучшего? Верила сладким словам и фальшивым улыбкам, не позволяла себе ни в чем сомневаться, цеплялась за надежду на дружеские отношения, а ведь их и близко не было...

Моя жизнь — сплошная боль. Двадцать семь лет прошло в непрерывных страданиях.

Нет, я достойна лучшей доли!

Была достойна в юные свои годы...

Почему я ни разу не ударила по угрожающей мне руке, хоть и не обладала тогда подлинной силой?

Сколько синяков я получила от мучителей во времена учебы в академии, а следовало наносить удары самой!

Уже тогда я должна была набраться опыта и не дать запереть себя в клетке, а я все принимала за непреложную истину — и ласковые речи, и испепеляющие взгляды.

Почему я верила тем, кто сделал мою жизнь невыносимой, почему им все прощала?

Только борьба поможет мне освободиться. Во-первых, от оков, во-вторых — от навязанных врагами правил.

Я обязана обрести себя, несмотря ни на что.

Окончательно проваливаюсь в темноту, и с моих губ слетает последний вздох. Слыши звук — прощальный удар сердца, а затем растворяюсь в черной пустоте.

Мои руки касаются чего-то мягкого, теплого и упругого. Слегка шевелюсь. Похоже, я лежу на облаке...

В Узилище заключенным выдавали одежду из грубой мешковины. Ни одеял, ни подушек грязным паранормам в тюрьме не полагалось.

Не пойму, что со мной...

Наверное, я умерла и попала на небеса? Видимо — в рай, ведь в аду не может быть настолько хорошо.

Во всем теле странная легкость.

Ни боли, ни тяжести в груди; не саднят ободранные пальцы. Запаха дыма я тоже не ощущаю. Чувствую небольшую слабость, но ей далеко до той, что я испытывала совсем недавно. Словно с плеч сняли тяжелый груз, а с ним исчезла боль, мучившая меня день за днем.

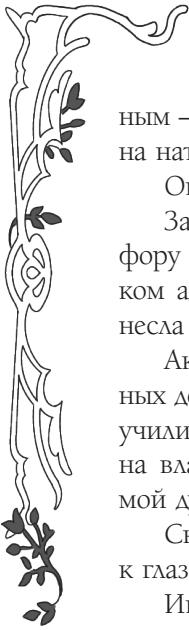
Делаю глубокий вдох. Как много воздуха, какой он легкий и вкусный!.. Никуда не тороплюсь — дышу, наслаждаясь покоем, какого не знала больше шести лет.

Куда бы я ни попала, в какой загробный мир ни угодила — здесь точно теплее и приятнее, чем в тех местах, где меня держали так долго.

Медленно открываю глаза — и тут же зажмуриваюсь от ослепительного света.

Наверняка я на той стороне.

Буду думать, что в раю. Почему нет? Я никогда не была плохой девочкой, никому не вредила. Невин-

АЙЛА ДЭЙВОН

ным — точно нет. Тюремщики и твари, которых на меня на натравливали, не в счет.

Опять же много страдала.

За шесть лет жизни в заведении, которое дало бы фору самой преисподней, да и до того, в личном маленьком аду под названием «академия «Уэнсридж»», я перенесла невероятное количество побоев.

Академия «Уэнсридж»... Частная школа для избранных детишек со сверхъестественными способностями, где учились исключительно злобные отпрыски помешанных на власти паранормов. Именно они пытались сломить мой дух задолго до того, как я угодила в Узилище.

Снова осторожно приподнимаю веки и подношу руку к глазам, пытаясь защитить их от света.

Интересно, как выглядит рай? С некоторых пор я думаю, что там много горячей еды и мягких облаков, на которых можно хорошенько расслабиться.

Ах да, еще телевизор.

Шесть лет без Netflix и шоколада... Мне многое предстоит наверстать.

Наконец зрение приспосабливается, и я тщательно изучаю свое тело. Ни шрамов, ни следов от ожогов.

Провожу пальцем по предплечью. Кожа слегка светится, чего не было со времен далекой юности, да и пальцы у меня не такие тонкие, как до провала в неизвестность.

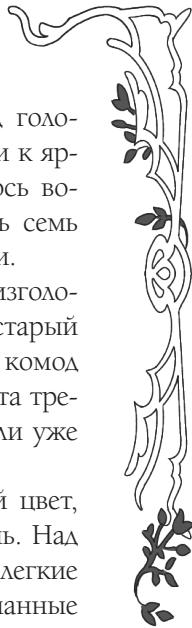
Разворачиваю кисть внутренней стороной кверху и вдруг замираю, заметив на коже большой фиолетовый синяк в окружении еще нескольких, поменьше, уже приобретших желтовато-коричневый оттенок.

Смотрю на другую руку, кручу ее и так и сяк. Хм, и здесь странные синяки.

В принципе, тело выглядит куда лучше, чем последнее время. Но откуда взялись синяки, если я на небесах?

Шевелюсь немного смелее, сообразив, что «облако», на котором лежу, — всего лишь кровать. Ноги мои при-

ЧЕРНЫЙ КЛИНОК

крыты хлопковым одеялом кремового цвета, под головой — мягкая подушка. Глаза уже совсем привыкли к яркому свету, и я приподнимаюсь повыше. Озираюсь вокруг. Знакомая комната! Правда, я не была здесь семь долгих лет, прошедших после выпуска из академии.

Узкая кровать из каштана с видавшим виды изголовьем и исцарапанными ножками, напротив — старый деревянный стол, а слева — большой древний комод и платяной шкаф, оба из сосны. Вся мебель покрыта трещинками и потертостями — наверняка ее покупали уже подержанной, либо подобрали на свалке.

Стены комнаты выкрашены в тускло-бежевый цвет, на потолке кое-где сырье пятна, в углах — плесень. Над маленьким окончиком — хрупкий карниз, на нем легкие занавески кремового оттенка, пыльные и потрепанные по краям.

Перевожу взгляд вправо. Ага, все та же белая дверь в ванную, скучный кафель на полу и крошечная грязная раковина.

Оборачиваюсь — ну да, давно не знавшая ремонта, скучно обставленная бесцветная спальня. Я прожила здесь последние годы учебы. Прошло семь лет, но комната ни капли не изменилась.

Стало быть, вместо рая я угодила прямиком в ад?

Наверное, наши мысли способны воздействовать на реальность: место, где я влачила существование изгоя, подвергаясь постоянной травле, ничем не напоминает рай.

Откинув одеяло, спускаюсь с кровати.

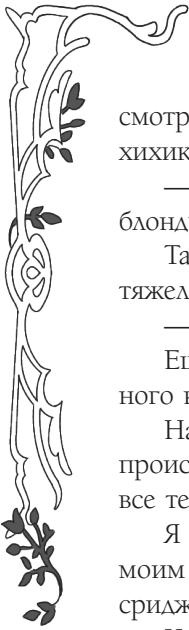
Все до ужаса натурально... Холодный пол под ногами, сквозняк, проникающий сквозь старую раму окна, гул голосов и звук шагов в коридоре.

Э-э-э... голоса?

Откуда здесь голоса?

Добравшись до двери, распахиваю ее настежь, и в меня впиваются сразу три пары глаз. Одна девушка

АЙЛА ДЭЙВОН

смотрит пристально, серьезно, а две ее подружки знай хихикают.

— Собралась на прогулку в пижаме? — ухмыляется блондинка, и они идут дальше.

Та, что в середине, обернувшись, встречается со мной тяжелым взглядом и роняет:

— Фу, жалкая личность...

Еще секунда — и троица ступает на лестницу спального корпуса.

Наблюдаю, как они спускаются на первый этаж. Что происходит? Почему я все это вижу, почему испытываю все те же чувства?

Я уже говорила, что годы учебы в академии были моим личным маленьким адом; значит, теперь «Уэнсридж» превратился в ад настоящий?

Кошмарный сон, видение?

На самом деле в моей жизни было кое-что похуже академии. Училище прочно удерживает первое место — а значит, оно и должно было стать для меня преисподней, если уж я обречена на страдания.

Недоуменно трясу головой.

Нет, правда, что происходит?

Почему я здесь?

Потираю только что обнаруженный на руке синяк и слегка морщусь от боли.

Если это «испытание», то не самое удачное.

Перевожу взгляд с синяка на пальцы. Ни шрамов, ни ссадин. Ничего. Сжимаю кулак — боли нет, перелом и старые раны никак не дают о себе знать. Кожа на руках мягкая, как у юной девочки.

Все-таки сон?

Но... я ведь точно умерла.

Много раз оказывалась на волосок от смерти, особенно после некоторых специфических экспериментов, поэтому знаю наверняка: я испустила дух в тюремной камере.

ЧЕРНЫЙ КЛИНОК

От этой мысли чувствую в груди легкий укол боли. Столько лет отчаянной борьбы, и все закончилось в огненной ловушке, в которую превратилась моя гнусная камера...

Впрочем, Узилище, скорее всего, сгорело дотла — это греет душу. Надеюсь, от него не осталось камня на камне.

Медленно возвращаюсь в комнату и, закрыв дверь, подхожу к зеркалу в ванной. Вижу в отражении юную девчонку, какой я была до Узилиша, и невольно перестаю дышать.

На меня смотрят до боли знакомые синие глаза. Длинные золотисто-розовые волосы легкими волнами ниспадают на худенькие плечи. Кожа у девушки в зеркале светлая, чистая, безупречная, губы — полные, розовые. Если отражение не врет — и впрямь ни шрамов, ни порезов, ни ожогов, только парочка выцветающих синяков. Ничего похожего на заключенную.

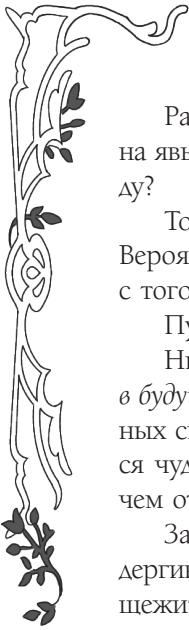
Зачем показывать мне этот образ? Зачем демонстрировать в зеркале молоденькую свежую девочку?

Девочку, познавшую мучения и издевательства от ровесников, однако еще не испытавшую настоящие боль и ужас.

Опираюсь обеими руками о раковину, крепко сжимаю ее край и смотрю в прищуренные глаза своего юного «я».

Однако почему все кажется настолько реальным? Словно и не сон вовсе, не морок, наведенный специально, чтобы заставить меня страдать. Чем больше здесь стою, тем больше проникаюсь чувством, будто все происходит на самом деле.

Мой взгляд цепляется за отколотый уголок зеркала. Подношу к нему руку и медленно провожу пальцем по острому краю. Порез, легкая боль, капелька крови. Рассмотрев ранку, снова поднимаю глаза на свое отражение.

АЙЛА ДЭЙВОН

Разве сон и морок могут быть настолько похожими на явь? А если это ни то ни другое... значит, все взаправду?

То есть я не попала в ад, не подверглась наказанию. Вероятно, меня спасли из лап смерти или выдернули с того света, а потом перенесли в прошлое, но...

Путешествия во времени невозможны!

Никаких таких историй, типа показанных в «Назад в будущее», не существует. Ни у одного паранорма подобных способностей нет. А чудеса... если на свете случаются чудеса, я была бы спасена еще много лет назад, причем от всех напастей.

Закрыв за собой дверь ванной, подхожу к окну и отдергиваю занавески. Знакомый двор перед женским общежитием. А вот и трио встреченных в коридоре девушек.

Вокруг них крутятся по меньшей мере семь или восемь мальчиков. Все разговаривают, смеются, а мимо их группы проходят другие студенты, направляясь в разные корпуса, расположенные вокруг общежития.

Несколько дальше начинается лес — я даже вижу порхающих по веткам белочек и кружящих над верхушками деревьев птиц.

Стало быть, второй шанс? Неужели это возможно?

Выходит, Господь склонился, взирая сверху на мою жалкую жизнь? Или пытается исправить допущенную в свое время ошибку?

Я мрачно усмехаюсь, и у меня вдруг перехватывает дыхание. Сердце в груди пускается вскачь — она пересекает внутренний двор общежития. Идет к главному корпусу в окружении обычной своей свиты. Не могу оторвать взгляд от ее длинных белокурых волос, словно пропитанных солнечным светом, от маленького носика и нежных розовых губ, уголки которых приподнимают улыбка.

Серия.

ЧЕРНЫЙ КЛИНОК

Моя сводная сестра.

Та, что предала меня, сделав самым несчастным существом еще до того, как я попала в Узилище.

Сколько лет я внимала, развесив уши, ее сладким речам и «ободряющим» словам... Все оказалось ложью, искусно срежиссированным обманом!

Именно Серия — причина моих страданий и несчастий в академии. Она разожгла медленно пожирающее меня изнутри пламя. Заставила поверить в собственную слабость, держала на невидимом поводке, чтобы спокойно править в окружении лакеев и прихвостней.

Ее смех затихает вдали, растворяясь в звонке на первый урок, и я отвлекаюсь от одолевающих меня мыслей.

Ладно, допустим.

Морок, сон, чудо или проклятие — я все готова принять.

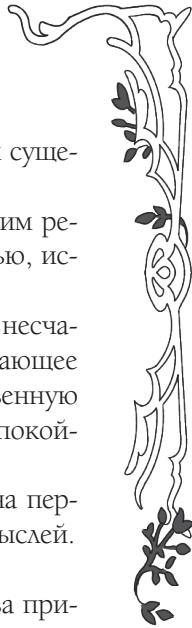
Если мне дали возможность возобновить жизнь с того момента, как из нее вырвали, — буду жить в прошлом. Обрету свободу и отомщу.

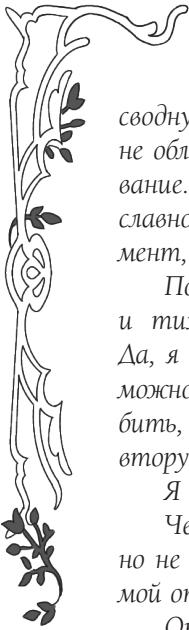
Вспоминаю ситуацию, когда я видела Серию последний раз.

Я стою на коленях, роняя на землю слезы, а Серия нависает надо мной. Наклонившись, обхватывает мягкой ладонью мой подбородок. Вытирает мне слезы и, придвинувшись ближе, нежно окликает по имени, а затем тихонько шепчет в ухо слова, которых я никогда не ждала от нее услышать:

— Мика, бедная... Какая же ты жалкая, никчемная...
Интересно, на что ты рассчитывала?

У меня перехватывает горло, а она продолжает рассказывать такие вещи, в которые я просто не могу поверить. Говорит, что всегда презирала меня и пыталась воспользоваться любой возможностью, лишь бы сделать мою жизнь невыносимой. Все самые болезненные события за прошедшие годы были ею подстроены — она плела эти заговоры ради собственного развлечения и в попытке посильнее уязвить

АЙЛА ДЭЙВОН

сводную сестру. Дескать, такие слабые, примитивные, не обладающие магией особи не имеют права на существование. Оказывается, я — позорное пятно на репутации славной семьи Бэйн, я должна была исчезнуть в тот момент, когда при родах погубила собственную мать.

Последние ее слова уничтожают меня окончательно, и тихий внутренний голосок шепчет: Серия права... Да, я не имею права жить. Умри я при рождении, — возможно, единственный человек, который мог бы меня полюбить, остался бы в этом мире. Отец не потерял бы свою вторую половинку.

Я — мерзкое чудовище.

Человек, родившийся в могущественном клане магов, но не имеющий ни капли силы, бесполезен. Об этом знает мой отец, семья, все студенты академии и, конечно, Серия.

Отступив на шаг, она до боли сжимает пальчиками мой подбородок, и мы смотрим друг на друга. Господи, никогда не видела у нее такого мрачного взгляда. Не узнаю сестру...

Ее губы кривятся в насмешливой улыбке, а в синих глазах светится неподдельное ликование.

— Теперь все, что причиталось тебе, будет моим. Так и должно было случиться с самого начала!

Серия отпихивает меня, и я со всего маху прикладываюсь лицом о землю. Голова кружится, тело пронзает боль, и я проваливаюсь в темноту, прислушиваясь к удаляющемуся стуку каблучков сестры.

С трудом разжимаю судорожно вцепившиеся в подоконник пальцы — даже костяшки побелели от напряжения. Снова окидываю взглядом главный корпус и слабо улыбаюсь. Давай, наслаждайся, сколько сможешь, тварь! На этот раз я заставлю тебя ощутить, что такое настоящее страдание...

Я надеваю обычную черно-синюю форму, провожу ладонью по вышитому золотом гербу академии на приталенном пиджачке и оглаживаю плиссированную юбку. Поправив воротничок белой блузки, достаю из верхнего ящика комода красный галстук. Его цвет как минимум означает, на каком курсе студент. Может, что-то еще, не знаю.

Курсов в академии шесть. Учатся здесь с пятнадцати или шестнадцати, а диплом, соответственно, получают в двадцать один или в двадцать два. Основная задача — научить паранормов контролировать свои способности и силу, дать им обширные знания об окружающем мире и его истории.

Однако еще больше академия настроена на создание подчиненной иерархическим правилам среды, помогающей студентам завязывать нужные знакомства, которые в будущем, после выпуска, принесут выгоду.

Престиж и власть везде стоят во главе угла, даже в паранормальном сообществе.

Твое положение определяется тем, кто ты есть и из какой семьи происходишь. Лишь от крови и степени сверхспособностей зависит, будут ли тобой восхищаться, относиться к тебе с опаской или сделают изгоем.

Хотя я происхожу из могущественной семьи, одного из самых старых кланов нашего мира, к сожалению, от-